

Афанасий
Полушкин

Клуб «КЛУБ»

Афанасий Полушкин

Клуб «КЛУБ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8703525

Афанасий Полушкин. Клуб «КЛУБ»:

Аннотация

Основное содержание книги составляют 30 коротких новелл, рассказанные поочерёдно каждым из шести друзей и записанные одним из них, тем, чьё имя стоит на обложке.

Всё, о чём они рассказывали, могло происходить на самом деле, но точно об этом не известно. И лишь по одной новелле каждый из рассказчиков посвящает реальному событию, участниками которого были они все. Правда, история у каждого получается своя.

Содержание

Предисловие	5
(1) Необходимое объяснение	5
(2) История (и предыстория) клуба «КЛУБ»	7
(3) Речь Владимира Порошина, плохо услышанная, но хорошо пересказанная несколько лет спустя	13
(4) Что дальше	15
(5) Правила клуба «КЛУБ»	17
(6) И еще	19
(7) Самое главное	21
Сезон первый	22
Заседание первое	22
Заседание второе	27
Заседание третье	31
Заседание четвертое	40
Заседание пятое	48
Заседание шестое	58
Intersaison. Сергей Фабр. Африка	62
Сезон второй	69
Заседание первое	69
Заседание второе	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Афанасий Полушкин

Клуб «КЛУБ»

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

Чарльз Диккенс

<ae>«Посмертные записки Пиквикского клуба»

Глава первая

Перевод с английского А. В. Кривцовой и Е. Ланна.

Извините, что вмешиваюсь, но надо бы это расследовать.

Рюноске Акутагава

«В чаще»

Перевод с японского Н.Фельдман

Copyright Afanasiy Polushkin 2014 г.

Предисловие

(1) Необходимое объяснение

Давайте выясним все с самого начала: клуба с названием «КЛУБ» больше нет. Уже более двух лет его заседания не проводятся. Судьба большинства его членов печальна.

Поэтому книга, которую вы держите в руках, должна была называться «Посмертные записки клуба “Клуб”».

Я так было её и назвал. Но потом представил себе, как дух Чарльза Диккенса медленно материализуется в полумраке Вестминстерского аббатства, выходит на Victoria Street, ловит кэб, добирается до ВАА Heathrow (кляня последовательно: нерасторопность лондонских кэбменов, погоду, перегруженный трафик, забитые парковки, погоду, вновь начавшуюся забастовку погрузчиков багажа, погоду, грузную мулатку за стойкой регистрации и весь пятый терминал целиком); летит в Москву, выясняет при помощи потусторонних сил и левых баз данных, где живет некий Polushkin; пару месяцев является ему ночами с криком «ВОО!» и, добившись наконец полного расстройств психики указанного Polushkin’a, довольно тает в предрассветном сумраке ближнего Подмосковья.

Название, как видите, я изменил, но вынужден теперь

давать пояснения. И первое из них: клуб «КЛУБ» больше не функционирует, что дает мне моральное право раскрыть некоторые материалы его заседаний. Этим правом я и собираюсь воспользоваться, начав с его (клуба) истории, А может быть, даже и предыстории, если таковую удастся отыскать.

(2) История (и предыстория) клуба «КЛУБ»

Несколько лет назад в июне я был приглашен к старому другу Вовке на ближнюю (дальняя у него в Италии) дачу. Не к Вовке, конечно, к Владимиру Владимировичу Порошину, какой он теперь Вовка. Ехать хотелось не очень, с учетом того, что месяцем раньше я чуть не сжег баню на той даче. Тогда отмечали его, Вовкино, сорокапятилетние. Гостей понаехало в два раза больше, чем ему исполнялось лет. Я был усталый, пьяный, злой и завидовал хозяину дачи раз в двадцатый, со дня нашего знакомства. Нет, в двадцать второй. В двадцатый раз было на предыдущий Новый год. И вот, не от зависти, а в честь дня рождения или, может быть, по какой другой внутренней необходимости я решил устроить у Вовки на даче настоящую праздничную иллюминацию, с последующим мордобоем. Не получилось. Канистра с бензином, из которой я поливал баньку, оказалась канистрой с водой, так что брошенная в лужу этой воды зажженная зажигалка «Зиппо», так и осталась там лежать как дура. Заодно и мордобой пришлось отложить. До лучших времен.

Так что ехать на ту же дачу снова не хотелось совсем. Но ехать было надо. Приглашение было персональным. Да и не было еще такого случая, чтобы кто-нибудь из посвященных пропускал 14 июня без уважительной причины.

Посвященных вместе со мной и Вовкой было шесть человек. Объясняется это не тайным каббалистическим обрядом и не масонскими, прости Господи, делами.

А вот чем.

Мы перезнакомились друг с другом осенью 1979 года, когда во вневедомственной охране Киевского района города Москвы открылись три вакансии сторожа и три – пожарника, потому что на Арбате для Министерства культуры СССР начали перестраивать доходный дом начала прошлого века. Стройку нужно было сторожить. Ну, так полагалось. Кто-то, может, как раз Вовка, подсуетился первым, устроился в набираемую бригаду сторожем, позвал своего приятеля, тот – знакомого, тот – своего. Оказалось в итоге, что в бригаде собрались студенты трех факультетов МГУ: филологического, исторического и журналистики. Работали мы парами: один сторож и один пожарник, по системе через два дня на третий. Для тех, кто не в курсе: день дежуришь, потом ночь, потом сутки отдыха. Кто из нас сторож, а кто пожарник помнили мы не твердо, да и состав пар определялся тем, кто в данный конкретный момент мог пропустить занятия. Но бабушке-бригадирше, проводившей внезапную проверку объекта (пятого числа каждого месяца), фамилии назывались в точном соответствии с графиком, висящим на стене сторожки – комнаты на втором этаже доходного дома с видом на внутренний дворик, будущий зимний сад. А бабушка была старенькая и лиц не запоминала. Приходила в сторожку, вы-

пивала бутылочку Кагора и уходила довольная.

Смысл работы для каждого из нас состоял в ежемесячном получении семидесяти двух рублей сорока копеек и почти ежедневном использовании помещения на Арбате в качестве... гостиной?... салона?... салуна?... всем составом бригады и нашими многочисленными сокурсниками. Что нас всех и сдружило. А поводом к тому, чтобы четырнадцатого июня каждого года собираться всем составом нашей бригады сторожей и пожарников, стали события, в которых мы все приняли участие, совершили подвиг и выполнили свое сторожевско-пожарное предназначение. Короче – спасли будущее Министерство культуры от огня, разгоревшегося на третьем этаже реконструируемого объекта 14 июня 1980 года. Как позже написали в ведомственной газете «Советский пожарник», дежурная смена, обнаружив первые признаки пожара, сообщила о нём (них?) по телефону и «смело вступила в неравную схватку с пламенем, превратив очаг возгорания в место задымления». А уж во что превратили место задымления пять пожарных расчетов, эффектно подкативших к стройке по тогда еще проезжему Арбату, и вспоминать не хочется.

Мне, правда, принять участие в тушении пожара не довелось. Я отошел ненадолго по делам, а вернулся, когда уже все было кончено. В смысле – потушено. Тем не менее именно я, вместе с одним товарищем и бабушкой-бригадиршей, получил премию в размере месячного оклада за проявленную

бдительность, рвение и еще чего-то там. Тут как раз и выяснилось, что я в нашей смене был не сторожем, как думал, а пожарником.

Премия (72 руб. 40 коп. на каждого) была успешно пропита всей бригадой (но без бабушки) в «Славянском базаре» 14 сентября того же года. И именно там, в «Славянском базаре» мы договорились отмечать спасение Министерства культуры общей встречей всей бригады 14 июня каждого года.

Что в отдаленном будущем и привело к рождению клуба «КЛУБ».

Никто (ладно, пусть только я) не верил, что следующее собрание состоится. Но оно состоялось, как и последующие двадцать пять собраний нашей славной бригады сторожей и пожарников, трудившихся во благо Министерства культуры.

Пять последних встреч проходили в загородной резиденции Владимира Порошина, создателя и генерального директора газетно-журнального холдинга «Тур-Охота». И вот подошло время новой, до тошноты традиционной, на которую прибыли: Сергей Фабр филолог, профессор нашей общей альмаматери; Виктор Коренев зубр тур-индустрии, владелец агентства «Festivus»; Антон Бухаров издатель перекидных календарей и рекламных буклетов, Василий Сретенский, историк, а может быть, культуролог или филолог, он сам тогда запутался и ваш покорный слуга, притащенный на веревке (точнее, на тросе) Антоном Бухаровым, потому что моя машина, именуемая в народе «Буренкой», надолго задумалась.

Сначала занимались кто чем: играли в теннис, пуляли куда-то из лука, спали у телевизора. Я помогал Вовке на кухне. В пять часов – общий сбор в бане. Очень полезно помылись, я там, рядом, зажигалку Вовкину нашел. «Зиппо». Он меня очень благодарил.

После бани – все за стол. Угощали фазаном по-бургундски, судаком с хреном и тушеной в грибах зайчатиной. Дело в том, что Вовка всегда, сколько его помню, был охотником и рыболовом. (Сил нет, как хочется добавить: и грибником!) И грибником. Двух фазанов и зайца он убил сам. Судак – под сомнением. Возможно, его добыл профессор Фабр, который ловит рыбу в местах менее экзотических, чем Владимир Владимирович но, зачастую с лучшим результатом. В общем, все начиналось как обычно, за исключением того, что Вовка попросил сразу не напиваться, поскольку «у него есть, что будет нам сказать». Выказано, видимо, было несколько иначе, но мне запомнилось именно так, поскольку я был возмущен. Это кто и когда напивался сразу? И потом, что значит это «сразу»? Сразу – это когда? Я даже демонстративно пропустил второй тост. Впрочем, этого, кажется, никто не заметил, поскольку вслед за вторым мгновенно последовал тост третий. И четвертый. И...

Вот.

История клуба «КЛУБ» начинается именно в тот момент, когда все перешли из столовой в малую гостиную, пригубили коньяку и достали сигары, прикуривая их от утраченной

было, но торжественно возвращенной зажигалки «Зиппо».

Вова произнес речь. Настоящую. Не квоуско тандем абутере, конечно, но похоже. Он даже не сажился. Что правильно: из глубин вовкиных кресел любые слова доходят с эхом, а выбираться из них (из кресел) приходится с остановками – как ныряльщикам. Все мы (ну ладно, пусть я) оценили эту манеру: сдержанную, благородную, почти без жестикуляции, чему способствовала необходимость держаться одной рукой за каминную полку. Легкое покачивание оратора в самых патетичных местах подчеркивало торжественность момента и серьезных намерений. Существо речи какое-то время от меня ускользало по той простой причине, что я давно не слушаю слов собеседников. Все равно они одни и те же. А те, что новые, лучше не слышать. Мне вполне хватает интонации. Вовкина интонация затягивала в какую-то авантюру. Пришлось вслушиваться.

(3) Речь Владимира Порошина, плохо услышанная, но хорошо пересказанная несколько лет спустя

Начало речи приведу дословно: «... .. вас... фазан... препятствия... в это время... и даже жены... всем... даже пусть... и киньте чем-нибудь в Полушкина. Он не слушает. Спасибо».

Далее – в пересказе. Мы сдружились много лет тому назад, говорил Вовка, не потому, что работали вместе, и не потому, что время от времени появлялись в одном учебном заведении. Каждый из нас в те времена считал себя будущим писателем или поэтом. Не отворачивайтесь, не морщитесь, так и было. Каждый что-то писал, и каждый был талантлив. Я говорю: был, но считаю, что талант никуда деваться не может. Да, все мы занялись другими делами. И занимались ими более или менее успешно. Теперь у нас есть машины и дачи, счета в банках и подчиненные. Все показатели успеха. Нет одного – воплощенной мечты. Мечту заменили пятизвездочные гостиницы, умеренное пьянство, рыбалка на Кубе, шкура яка на стене и механический ягуар в гараже. Я не говорю, что это плохо (шевеление в зале), я говорю, что этого недостаточно, Мы можем, а значит должны воплотить мечту. Стать писателями, точнее – литераторами, а еще точнее

– рассказчиками. Для этого не надо ничего писать, унижаться в редакциях журналов и таскаться по издательствам. Все можно сделать стильно и в соответствии с нашим возрастом и положением.

Здесь Вовка сделал паузу. Или она сделала его. Нет, он ее, я помню точно.

Я предлагаю, продолжил Вовка, создать Клуб Устного Рассказа. Мы будем собираться четырнадцатого числа каждого месяца. На каждом заседании один из нас выступит в качестве рассказчика, остальные – слушателей. На следующий раз будет новый рассказчик. Так мы позволим друг другу возродить наши литературные таланты, но не будем вмешивать в это кого-либо еще. Мы с вами – люди успешные. Доказывать кому бы то ни было что бы то ни было нам нет нужды. Давайте же докажем это самим себе. Сколько можно меряться автомобилями, давайте сделаем что-то такое, что никто не делал уже лет сто пятьдесят. Литературные вечера. Закрытый клуб. Устная литература. Только мы. И никого кроме нас.

(4) Что дальше

Не все, что говорилось, касалось меня лично. Счета, подчиненные, дача, рыбалка, охота и личный гараж – все мимо. А вот мечта – да, вспомнилось. Так что я махнул рукой и возражать Вовке не стал. А это – вам каждый скажет – много о чем говорит.

Не знаю, почему все остальные так легко согласились с его предложением. Я лично грешу на кресла. Но, может быть, были какие-то другие причины. Возражения вызвало лишь название учреждаемого клуба. Если соорудить аббревиатуру предлагаемого Вовкой названия, получится КУР, что не стильно. А для знающих людей – обидно. Это нам Сретенский и Фабр объяснили сразу. Название «Клуб любителей устной короткой сказки» было признано стильным донельзя, поскольку те самые сто пятьдесят лет назад сказкой именовался устный рассказ о необыкновенном событии. Опять подвела аббревиатура: КЛУКС, точно как средняя часть ку-клукс-клана. Аббревиатуры КЛУР, КУС и КЛУИ (истории) просто не рассматривались. Стать любителями анекдотов (КЛА) как-то никто не захотел.

Коньяк у Вовки не мог кончиться по определению, но сигары уже грозили сбросить пепел, обнажив безобразно чадающие кочерыжки, Создание клуба оказалось под угрозой. Тогда кто-то – нет, не я – предложил завершать каждую ис-

торию моралью, устный рассказ считать басней, а название пусть будет Клуб Любителей Устной Басни (КЛУБ).

Председателем клуба КЛУБ избрали Владимира Порошина, местом регулярных встреч – его поместье. Исполнять же обязанности секретаря клуба пятью голосами при одном неголосовавшем (я как раз задумался и вдохнул сигарный дым как сигаретный), было поручено исполнять вашему покорному слуге с формулировкой: как самому ответственному члену коллектива. Правда, когда я, прокашлявшись, возвращался в гостиную, мне слышалась фраза: «Должна же быть от него хоть какая-то польза». Но, надо думать, за то время, что я приходил в себя во дворе, разговор ушел куда-то в сторону.

(5) Правила клуба «КЛУБ»

Было решено, что деятельность клуба происходит в устной форме. Рассказчик не может читать свою басню. Он должен ее произносить. Слушателям запрещалось записывать сказанное на любой носитель. Единственным свидетельством того, что заседание было проведено, должен был стать протокол, в котором предполагалось отмечать рассказчика, указывать название басни и ее пролог, а также фиксировать мораль, предлагаемую одним из слушателей басни по ее окончании. Соответственно каждый рассказ должен был начинаться словами: «Эта история...», а заканчиваться открытой фразой: «Отсюда мораль...» Выбирать одну мораль из пяти предлагалось по жребию. Жеребьевку проводить тайно, записав варианты на отдельные бумажки. Невыпавшие варианты решили не зачитывать, но сжигать в камине. Потому что это стильно и таинственно. И стыдно кому-нибудь рассказать.

Устав, разработанный при учреждении клуба «КЛУБ», действовал в течение всего времени его существования, с одним лишь дополнением. В первом сезоне на одном из заседаний клуба была проголосована и большинством в один голос (мы председателю дали два) принята следующая поправка: темой устного рассказа (басни) не могут быть события, произошедшие на охоте, рыбалке и сборе грибов. Суровое

решение? Нет! Жертвенное! Но иначе было нельзя. Существование клуба было под угрозой.

(6) И еще

Если правила клуба таковы, что никаких записей историй, звучавших на заседаниях клуба, оставаться было не должно, то каким же образом, спросите вы, они появились? А таким. Секретарь клуба «КЛУБ», Афанасий Полушкин (Пол), приезжая домой, по памяти записывал каждую басню. Так получилось, что их басни превратились в мои рассказы. За исключением тех шести, разумеется, что с самого начала были моими. Переноса в компьютер устные рассказы моих товарищей, я записал всё, что помнил и как помнил. Естественно, что-то из рассказанного я опустил, что-то добавил от себя. Многие детали не сохранились, ушли приметы стиля каждого из рассказчиков. Поэтому я сначала решил не ставить перед каждой басней имя рассказчика. А потом решил поставить. Пусть читатель сам решает, кто настоящий автор. Что поделать: не я составлял правила клуба. Я их только нарушал.

Устные истории, или «басни», размещены в книге в той последовательности, в которой они прозвучали на заседаниях клуба. Всего получилось шесть сезонов, по шесть заседаний в каждом. Последовательность рассказов была определена жребием для первого сезона и сохранялась на протяжении всех шести.

А еще мне показалось нужным и важным поместить в

книге несколько отрывочных текстов, созданных членами клуба «КЛУБ» и случайно сохранившихся в моем архиве. Мне хотелось, чтобы имена моих друзей узнали за пределами круга их профессиональной деятельности. Я поставил эти авторские тексты в промежутки между сезонами и дал им общее название «Intersaison». Отбирая эти тексты, я порою испытывал чувства зависти и гордости, чаще – неловкости и легкого стыда.

Правильно ли я поступил?

Не знаю.

Имел ли я на это право?

Нет.

Но преимущество человека, растерявшего своих друзей, состоит именно в том, что никто ему не скажет, что он не прав.

(7) Самое главное

Я все же должен назвать имена всех, кто помогал мне писать эту книгу, часто не зная о том.

Не всех, конечно. Имен тех финикийцев, кто придумал первые буквы, я не знаю. А они мне сильно помогли.

Но вот имена тех, о ком я думал, когда писал:

Александр Шегедин,

Алексей Коршунов,

Анна Лебедева,

Антон Крюков,

Виктор Ремизов,

Константин Соловьев,

Михаил Александров,

Михаил Павлов,

Ника Соловьева,

Николай Филатов,

Олег Сарин,

Ольга Соловьева,

Павел Смирнов.

Сезон первый

Заседание первое

Это история, для которой одних строчных букв недостаточно. Приходится постоянно использовать заглавные. Ведь как-то надо дать понять, что день и ДЕНЬ – два разных слова.

Название басни:

ДЕНЬ (заглавными буквами)

рассказчик:

Антон Бухаров

Он работает охранником в супермаркете. До этого был мелким торговцем. До этого – инженером. Больших денег не зарабатывал никогда, дачи не завел, машины не покупал. Отпуск проводит в Городе. Из трех комнат квартиры на Чистых прудах, доставшейся ему от родителей, он использует как жилое помещение только одну. Мысль о женитьбе ни разу не приходила ему в голову.

Да не важно все это! У него есть ОДИН ДЕНЬ в году, ради которого он живет уже 35 лет. Вспоминая о прошедшем ДНЕ и готовясь к следующему.

Кстати. Это он для себя рассуждает о ВЕЛИКОМ ДНЕ, а на самом деле это скорее вечер и ночь выпускных школьных балов.

Первый раз ЭТОТ ДЕНЬ был его выпускным, местом действия – один из московских парков, а его первой жертвой – девушка из параллельного класса.

В семидесятые годы и в первую половину восьмидесятых (речь идет о двадцатом веке) он отваживался на ПОСТУПОК в ЭТОТ ДЕНЬ не каждый год. Молод был, боязлив, неопытен. Поэтому его МУЗЕЙ ВЕЛИКОГО ДНЯ неполон. В части лет есть пропуски, и с этим уже ничего нельзя поделать. Зато с 1986 года он не пропустил ни ДНЯ.

Правда, дважды – в 1993 и 1998 годах – результаты были не очень хороши, поскольку с девушками ничего не получалось, пришлось довольствоваться юношами.

Но сегодня предчувствие его не подводит – он справится. МУЗЕЙ (самая большая комната в его квартире, куда нет доступа никому из его немногочисленных гостей) получит желанные ЭКСПОНАТЫ. Плюс материалы о том, как эти ЭКСПОНАТЫ добывались. Он только что купил и опробовал новую «Нокию» с возможностью качественной фото- и видеосъемки. Раньше было сложнее – большие фотоаппараты, еще и с пленкой, потом видеокамеры значительно затрудняли его действия и не с каждым костюмом сочетались. Создавали «момент неловкости» – так он это называет. Теперь все проще. И с техникой, и с маскировкой.

Да. Костюм. Приняв душ и побрившись, он открывает самую маленькую комнату – его костюмерную. За три с половиной десятка лет здесь скопилось большое количество костюмов, которые можно назвать маскарадными. Он, конечно же, называет их костюмами ВЕЛИКОГО ДНЯ. Самый простой из них – спортивный костюм «братана» начала девяностых, с кроссовками и фальшивой золотой цепью. Сейчас он этот костюм уже надеть не сможет: и не ко времени он, и не к лицу. И размер уже не подходит.

Он осматривает висящие на плечиках костюмы. Кто он сегодня? Это важно. Милиционер? А в каком звании? Сержант? Майор? Он был уже и тем и другим. И сегодня не хочет повторяться. Как-то слишком облегчает задачу. Достойно ли ВЕЛИКОГО ДНЯ смертельно напугать пару девчонок, потребовав у них документы? С другой стороны, можно вызвать подозрения. Милиционеры, они ведь как собаки, в одиночку по улицам не ходят. Либо с хозяином, либо стаей. Нет, рисковать не стоит.

Сотрудник частного охранного агентства? Эту роль он сыграет не напрягаясь. Да и играл уже раза четыре. По силе внушения костюм мало уступает милицейскому, а если в голос доброты подпустить, и «отцовскости», то доверия вызовет больше. Но нет. Он ведь и сам охранник. Если проколется, легче будет вычислить.

Бомж? Давненько он не надевал эту МАСКУ. Эффективно, но очень уж противно. Да и бриться тогда не надо бы-

ло. И потом. В тот единственный раз, когда он вышел на ДЕ-ЛО бомжем, было столько визга, как никогда ни до, ни после. СЕГОДНЯ ему этого не нужно. Внезапности хочется. Стремительности. Чтоб самому себе доказать: он еще ого-го! А бомжем и в глубокой старости можно работать. В ЭТОТ ДЕНЬ.

Так кем же одеться? Дорожным рабочим в оранжевом жилете? Интересно, но слишком приметно. Как-нибудь надо опробовать, но не СЕГОДНЯ. Клоуном он был в прошлом году. Было весело, особенно там – в переулке у Старого Арбата. Повторить? Но свежести ощущений не будет.

Наконец, решение принято. Надо идти в ногу со временем, а нынче мода на аниме. Маленькой девочкой он одеться не может, а ниндзя – запросто. Он наряжается в темный комбинезон, на ноги – кеды, через плечо – холщовая сумка для трофеев. В ней – черная шапочка-маска. В нужный момент он закроет свое лицо. И удобно, и прикольно. Уже 23.30. Пора выходить.

* * *

В пять утра он крадучись возвращается в свою трехкомнатную квартиру. Очень устал, но очень счастлив. Скинув кеды, он проходит в комнату, которую называет МУЗЕЕМ, и достает из сумки четыре ленты из тех, что выпускницы надевают через плечо. Одна из них полностью красная, а три

– трехцветные. На них золотыми буквам написаны номера школ. Он выкладывает ленты на специальную «подготовительную» тумбу. Через несколько дней, выстиранные и выглаженные, эти ленты займут свое постоянное место в МУЗЕЕ, присоединившись к тем пятидесяти двум, которые он хитростью и ловкостью, обманом, мольбами и угрозами получил, выпросил, вытребовал или, как сегодня, сорвал, тихо подкравшись, у выпускниц прошлых лет. И тем двум, конечно, которые он брезгливо снял с пьяных в дым юношей-выпускников в девяносто третьем и девяносто восьмом годах.

Отсюда мораль: Не стоит плохо думать о людях. Они этого не заслуживают.

Заседание второе

*Это рассказ о человеке, который не умеет
получать подарки.*

Название басни:

Или не стоит

рассказчик:

Виктор Коренев

Не то что бы он отказывался. Нет. Никогда. С чего бы? Он любит получать подарки, только не умеет. И опять нет. Не то, что вы подумали. Он радуется. Кладет на видное место. Благодарит и сразу начинает пользоваться. Сбой происходит именно здесь. Мы с ним когда-то работали вместе. Однажды он пришел на работу в куртке, подаренной накануне родителями. Хорошая куртка, теплая. Только с дырой. Он зацепился за что-то, когда первый раз ее надевал – собирался на работу. Потом дыру зашили, и она была почти не видна. Все те пять лет, что он носил эту куртку. Из того, что когда-то дарила ему жена, я помню галстуки с пятнами от пива и соуса (в одном и том же месте), поставленными в день рождения и двадцать третьего февраля такого то года. Ремень с пряжкой, оторвавшейся в тот момент, когда он ее в первый раз пытался застегнуть. Бумажник. Но тут лучше не вспоминать. Он

ведь туда сразу деньги положил.

А уходить жена от него собралась в тот день, когда он сел на склеенный дочерью ему в подарок домик. Шесть лет было девочке, она плакала. Нежный возраст. В прошлом году мы с ней, с дочкой его, поспорили по «скайпу», сколько дисков любимых им «Звездных войн» откроется в его DVD-плеере. Диски она купила в магазине в подарочной упаковке. Я утверждал, что посмотреть можно будет пять из них, она утверждала, что два. Проиграли оба. В комплекте оказалось два вторых фильма, но не было пятого. А так все открываются, проблем нет.

У вас может сложиться превратное представление, что у этого моего приятеля руки не оттуда растут. Я сам, было, так подумал, когда он попытался закурить трубку вишневого дерева, мною же подаренную ему на день рождения. Но у него своих, им самим купленных трубок двадцать три штуки. И ни одна не треснула в первый же день. Собственно говоря, ни одна ни в какой день не треснула, кроме тех, что подарил я на сорокалетие и тесть на сорокалетие же. Они треснули с интервалом в три минуты. И еще его непосредственный начальник подарил ему антикварную фарфоровую трубку XVIII века. Ну, это уже совсем недавно, года два назад. То, как она медленно падала с верхней полки специальной «трубочной» этажерки в почему-то стоящую на полу медную вазу, потом вспоминали многие. Ладно, мы, профаны, трубок не чувствуем. Но почему пробку из бутылки «Pascuas Gran

Seleccion Gran Reserva» 1999 года вытащить не смог никто из гостей? Почему бутылка «Хеннеси Лайблари» треснула и потекла сразу после того, как он ее выудил из коробки и торжественно поставил на стол?

Ему дарили в разное время: четырехтомный словарь Даля с буквой Т помещенной сразу после Щ, картину в тяжелой раме, упавшую ему на ногу и сломавшую мизинец, кожаные перчатки, одну из которых он потерял в парке в тот же день. У него день рождения в октябре, мы в парк пошли из-за стола, листьями пошуршать. Кстати, вспомнил, за год до этого мы тоже пошли в парк в день его рождения. День был замечательный, солнечный, мы мячик взяли с собой для того, я сейчас думаю, чтобы залепить в лицо моему приятелю и сбить только что подаренные очки в золотой оправе.

Мне известно также о подаренных карманных часах «Ingersoll IN9000WH» с отломавшимся сразу же колечком для цепочки; наручных часах с металлическим браслетом «Raymond Weil 3800-SCF-05207», упавших с руки в тот момент, когда он произносил здравицу гостям; о бельгийской копии «Cintree Curvex Crazy Hours» с прокручивающимся колечком для заводки и электронных часах «Diesel/Digital DZ7033», в которых впоследствии не удалось заменить батарейку. Да, извините, забыл про будильник с голосами птиц вместо звонка. Он не курлычет, как вы уже догадались.

Я ни разу не видел, чтобы он расстроился из-за подарка, неспособного служить ни дня, ни часа, ни минуты. Подар-

рок, перешедший в его руки, становился символом, на глазах обретающим свою символичность. Как если бы мы все: жена, дочь друга, сослуживцы и люди случайные, дарили ему лишь эмоции – добрые, но мимолетные. Он, собственно, так к ним и относился. В конце концов он человек не бедный, а все вещи, купленные им лично, очень практичны. Элегантны. Даже поношенные и потерянные.

Может быть, он не любит вещи, приносимые кем-то, пусть даже самым близким? Может быть, он специально их портит, чтобы не быть зависимым от них? Но как он это делает у всех нас на глазах? Впрочем, я не о том хотел сказать. Мы говорили с ним недавно. Он жаловался, что жизнь его скучна и бедна на события. Что нет эмоций. Что пару раз даже перебежал улицу без всякого перехода, но водители тормозили, как заведенные, за тридцать метров. Ругались, конечно. Но разве это событие? Я рассказал ему, что моя знакомая с тарзанкой прыгает. Он позавидовал. Сказал, что мечтает о чем-то таком: с тарзанкой, с аквалангом, с парашютом. И вот я думаю подарить ему прыжок на день рождения. Или не стоит?

Отсюда мораль: Сломанная вещь лишается свойства полезности, зато становится частью истории. Вещь рассказать нельзя, а историю можно. Берегите вещи. Молчите.

Заседание третье

Это рассказ о том, как можно попирать устои общества, но не о том, зачем это нужно.

Название басни:

Орден

рассказчик:

Василий Сретенский

Обычно он выключает мобильный перед началом занятий. Или сбрасывает входящие звонки. Считается, что пример преподавателей, дисциплинирует студентов. Кем считается? Ну, кем... Никем. Считается, и все. А тут как-то забыл, не выключил. И нельзя не ответить: звонок от Димы, Магистра-Казначей Ордена.

(Это так называется – Казначей. А на самом деле через него проходит вся документация, в том числе и по кадрам. Генерал Ордена без Димы – ни пальцем... да что он все звонит и звонит!)

Студентка у доски бодро пересказывает с Владимира Святого на Владимира Мономаха. Трещат цитаты из Карамзина. Вот-вот займется Ключевский.

(Господи, ну сколько можно! И даже сентябрь еще не закончился. Хоть бы море какое-нибудь рядом было. Хоть бы

даже и Балтийское.)

Он делает сигнал не останавливаться, хватается мобильный телефон со стола и выходит в коридор.

– Дима, я на занятиях, семинар у меня, – шипит он, стараясь сбросить гласные в трубку, чтобы они не долетели до голых стен.

– А сам виноват, – торжествует Дима, – не выслал новое расписание занятий. И кстати. Отчет за лето где? Или нечем отчитываться?

– Как это нечем? Синагога в Дубровнике. Ты дай мне еще пару дней...

– Да ладно, это терпит, тут дело срочное. У нас...

– А давай через пару часов...

– Какие пару часов, я Генералу должен докладывать через десять минут.

(Вот всегда у нас так. Что ж мы за люди такие. Себя не уважаем, друг друга не уважаем. Вечно спешим, одно начинаем, другое бросаем. А спросить бы: зачем? Чего же ждать от младших... да хоть бы от студентов этих.)

Из аудитории донеслось: «Ярославская правда». Это о чем они? Хорошо если о «Правде» Ярослава. Он заглядывает в аудиторию. Там все идет как должно: инициативная студентка Лена (Лана? Лада? Леда? Лида? Что-то такое, он не успел запомнить) бодро отчитывает князей. Остальные скучают, каждый по-своему. Но уже заметен какой-то общий посторонний интерес. Надо скорей возвращаться.

– Давай тогда быстро.

Потная трубка ерзает по горячему уху.

– Инициация намечена на субботу. Недалеко тут. В Ямках. Церковь Козьмы и Дамиана.

– Чей Оруженосец?

– Семен Петровича. Семена Барсова. Но ты же знаешь, что своего ученика инициировать запрещено. Семен будет за рулем. Срочно нужны два магистра. Я б и не звонил тебе, но грипп по Москве гуляет. Три магистра больны. Ну, как больны, я ж проверять не буду. Мажордом Ордена болел точно. Иван Захарыч – в командировке. Степан на даче застрял. Магистр-Библиотекарь машину покупает. Первую. Ну, зарез, никто не может. Я сам поеду. И ты, больше никому.

– Послал бы рыцарей.

– Нельзя рыцарей. Запрещено Статутом. Да ты сам за Статут голосовал, все прекрасно знаешь.

– На кой хр... подожди... сейчас... так, успокоились все. Культура Киевской Руси. Кто подготовил? Опять вы? А еще кто? Ну, давайте вы, только по существу. ...Да. Зачем нам рыцари вообще, если они в обрядах не участвуют?

(Смена поколений. Традиции. Преемственность. Вот зачем нам рыцари. Но зачем нашему Ордену смена поколений? Мы что – масоны, тамплиеры? Мы человечество за пару тысяч лет исправить хотим? Нет. Грааль ищем? Нет. Все проще. Сначала мы играли. Потом подстроили под игру фило-

софию. Потом захотелось уважения. Тогда и пошло: рыцари, оруженосцы. А мы – Магистры – важнее всех.)

– Дружище, мы тут по Статуту сейчас дискуссию откроем, или мы договорились, и ты на семинар пойдешь?

– Слушай, до вечера не потерпит? Доложи Генералу, что вопрос решается, после восьми созвонимся.

– Ладно, я попробую. Только давай полвосьмого, мне пространство для маневра нужно.

Через два часа он перезвонил Димке и дал согласие Магистра-Архивариуса участвовать в церемонии инициации Восьмого Рыцаря, имя которому будет дано после обряда, а пока что он Петр Макарыч Горенштейн, аспирант профессора Семена Спиридоновича Барсова в Институте культурологии.

(Как же неудобно все. Инициация в субботу, по правилам – в полдень. А у него в пятницу диссертационный совет, одна кандидатская, одна докторская. Москва гриппует, каждый доктор наук на счету. И опять его сделают председателем счетной комиссии. Да это бы ладно, но с банкета не сбежишь. И в каком он виде будет на церемонии? Это ж вставать в десять! Хорошо хоть занятий в субботу нет. Да ладно, Димон прав: зачетные очки перед переизбранием нужны. Хорошо хоть эта синагога подвернулась в Дубровнике. Главное – действующая. Храмы – музеи в зачет тоже идут, но с понижающим коэффициентом. А тут такая удача. Думал, теперь до зимы только на Общем Совете отметится, и всё. Как же.

Инициация. До января не могли дотянуть?)

Договорились встретиться на «Войковской» в половине двенадцатого, чтобы ехать в Ямки на одной машине. Пока ждали Семенов ниссан, Димка рассказывал о летней школе под Курском. Повезло ему – за неделю пребывания в зачет пошли: Собор иконы Божьей Матери Знамение в Знаменском монастыре, церковь Воскресения там же (ну это в до-весок, мало баллов, хотя для анкеты хорошо), Сергиево-Казанский собор и церковь Георгия Победоносца на мемориале «Курская дуга». И если в студентку с «воттакими глазами» наш герой верить не собирался, то в отношении церквей все было правдой. В вопросах чести Казначей Ордена был строг. Как и в вопросах патриотизма: даже за границей отмечался только в православных храмах, игнорируя «бесовщину» нехристианских молелен и обличая «еретиков».

(Поэтому он и синагоге моей не слишком обрадовался. Ну, ничего, Генерал меня поддержит. Он западник. Единственный, кто пока отметился в соборе Святого Петра. Он и инициацию своего рыцаря проводил в соборе Святого Стефана. В Вене. Ну, тот в какой-то нефтяной кампании работает, ему хоть Вена, хоть Лондон..., а кстати, почему не в Лондоне?)

Доехали на удивление быстро. Ленинградка утром в субботу, оказывается, даже и не забита. Двадцать семь Диминых анекдотов (два новых) уложилось в маршрут. Оруженосец в нужных местах смеялся, смотрел преданно, молодец. Семен

все больше молчал.

(Ну, еще бы. Ученик производится в рыцари. Поневоле занервничаешь. Да обойдется все, в первый раз, что ли? А на защите весной так и так краснеть придется. Ну что это за тема для диссертации: «Поврежденные смыслы: язык жеста в современном гламуре»? Для мужика. Ну, интересно тебе, так хоть назови методологически корректно. Его ж на одном гламуре размажут тонким слоем по всей кафедре. Потом, при определении хронологических рамок диссертации, обваляют в смоле и перьях. До языка жеста точно не дойдет: вынесут за ограду института и бросят на свалку с веселыми воплями. Нет, специально от всего отобяюсь, приду на защиту посмотреть.)

На стоянке перед торговым центром «L'achat» (три минуты пешком до церкви) Магистр-Казначей бегло проверил у кандидата в рыцари знание Статута, а также «Правил Входа и Выхода», потом попросил Магистра Архивариуса огласить список «Подвигов Оруженосца». Неплохой список, особенно если читать медленно, внушительно, чуть заунывным баритоном:

– Первый Подвиг духа совершен на концерте Пола Маккартни на Васильевском спуске (так себе, но в качестве первого шага сгодится). Считается.

/Пауза./

– Второй Подвиг духа совершен в Большом театре, Новая сцена, опера «Дети Розенталя», партер. Считается.

/Пауза./

– Третий подвиг духа совершен на записи программы «Пусть говорят» (в прямом эфире было бы внушительнее, но где теперь прямой эфир найдешь). Считается.

/Пауза./

– Четвертый подвиг духа совершен на футбольном матче Россия – Германия, «Лужники», трибуна «С». Считается.

/Внушительная пауза./

После короткого инструктажа и передачи Оруженосцу сумки со всем необходимым оборудованием они втроем вышли из машины и направились к церкви. Семен Спиридонович, в точном соответствии со Статутом, остался в машине, сидел, вцепившись в руль.

(Ему только съехавшей на лоб темной шляпы не хватает, чтоб как в кино. Как в детективе. Как в советском кино, в детективе. Как в «Берегись...» А черт, пришли уже. Не чертыхайся, ты же в церкви, как-никак.)

В храме шла служба. Народу немного. Человек двенадцать. Димон несколько раз перекрестился. Оруженосец, подражая ему, мелко и неуклюже помахал пальцами перед носом. Наш герой креститься не стал, оглядел все три нефа, сфокусировавшись на старушках и старичках. Ничего подозрительного. Они купили по свечке, отошли в правый неф, к стене.

(Как-то уж совсем все буднично. Ни волнения, ни предложения. Текучка. Текучка и есть. Предложить, что ли, на

Совете выбирать для обряда инициации только кафедральные соборы. Или дни праздников? А то уже, как на работу ходим.)

Чуть укрывшись за столпом с бумажной иконкой, Магистры, зажигая свечи от тех, что уже стояли на подсвечнике, загородили собой Оруженосца. Тот открыл сумку, тренированным движением вытащил оттуда три пластиковых стакана и пол-литровую бутылку CHIVAS REGAL восемнадцатилетней выдержки. Зубами свинтив пробку, он разлил почти все содержимое бутылки в стаканы. Одновременно с последним «бульком» Магистры поставили свечи, развернулись. Перехватили свои стаканы. Оруженосец убрал бутылку в сумку, туда же выплюнул пробку.

– Нарекаю тебя, Рыцарь, именем CHIVAS REGAL! – торжественно, но очень негромко произнес Магистр-Казначей.

– Да будет так! – подхватил Магистр-Архивариус голосом чуть более скучным, чем это соответствовало моменту.

Все выпили, после чего элегантно сбросили стаканчики в подставленную рыцарем сумку. Рыцарь, от волнения пустив часть напитка не в то горло, не мог дышать. Магистры, не сговариваясь, шлепнули его по спине: стоять не двигаться! Обряд признавался легитимным через минуту после последнего глотка.

Закашлялся все-таки юноша, смазав церемонию. Но если не придирааться, то все прошло хорошо. Два Магистра сделали вид, что ничего не случилось, и, подхватив сомлевшего

от волнения Рыцаря под локотки, вышли из храма. Постояв немного под кусачим дождем, подышав воздухом, все трое неторопливо закурили и направились к машине, где рыцарь Gran Cruz Porto, он же Магистр-Регистратор Семен Барсов, поняв, по их виду, что все кончилось благополучно, уже достал мандарины и шоколад.

Отсюда мораль: Чем хороша общая тайна? Так приятно думать, что ты можешь разгласить ее первым.

Заседание четвертое

*Эта история началась смертью, а закончилась
ко всеобщему удовольствию.*

Название басни:

Подарок старого склочника

рассказчик:

Афанасий Полушкин

Года два назад в Чикаго скончался знаменитый скульптор Борис Бор. Никто особо не расстроился, потому что, во-первых, ему было уже за семьдесят, а во-вторых, он был одинок по причине удивительной склочности характера.

Пример. ББ не участвовал в так называемой «бульдозерной выставке» только потому, что его скульптурам было бы тесно стоять на одном поле рядом с двумя десятками картин, «отвлекающими внимание» зрителя. Полгода спустя, то есть 15 марта 1975 года он лично расставил в различных местах подмосковного лесного массива тринадцать своих скульптур, после чего начертил и торжественно сжег карту, помогшую их обнаружить. «И пусть эти ищут и смотрят, – якобы сказал он тогда, – а те пусть сносят весь лес».

Другой пример. Он родился и вырос в подмосковном городе Ямки. Здесь его даже успели принять в комсомол и че-

рез год исключить за физиологическую неспособность выговорить два слова: «советский» и «патриотизм», причем как вместе, так и по отдельности. И когда много лет спустя ББ стал большим художником (скульптором) и за его работы начали драться венская Albertina, римская Galleria Nazionale d'Arte Moderna и лондонская Tate Britain, администрация города приняла решение присвоить Борису Григорьевичу Бору звание почетного гражданина города Ямки с предоставлением ему (как это и полагается по статуту почетного звания) права бесплатного проезда в общественном транспорте и пятидесятипроцентной скидки на коммунальные платежи. В том же письме, которым до ББ было доведено это решение, выражалась завуалированная (но не слишком) готовность принять в дар создаваемой Ямкинской картинной галерее одну из работ знаменитого земляка. Художник (скульптор) ответил короткой телеграммой на английском, из которой специально приглашенная в администрацию города директор местной спецшколы согласилась буквально перевести только одно последнее слово Yamky. Все остальные слова телеграммы были переведены одним общим смыслом, который сводился к тому, что сообщение о присвоении ему звания почетного гражданина Ямок то ли застало художника (скульптора) в плохом настроении, то ли в это настроение немедленно привело.

Но когда ББ умер, то в завещании его был обнаружен пункт, в соответствии с которым город Ямки получал в по-

дарок одну из последних скульптур великого мастера. Бронзовая скульптура, названная творцом «Держи его!», представляла собой фигуру сутулого старичка в поношенном пиджаке, надетом на майку, коротковатых брюках и ботинках с сильно скошенными каблуками. Волосы на голове старика были растрепаны как бы ветром, глаза прищурены, рот скобочен. В левой руке он держал авоську с батоном хлеба, тремя апельсинами и неопределенного вида бутылкой, а правой он как будто указывал на кого-то, выставив вперед указательный палец. Фигура была вмонтирована в постамент так, что она могла свободно вращаться вокруг своей оси, указывая корявым пальцем в любую сторону.

Подарок пришелся как нельзя кстати, потому что, с одной стороны, подкатывало 75-летие постановления советской власти, согласно которому пять дачных поселков были объединены в новую административную единицу – город Ямки, а с другой – население давно уже призывало администрацию что-нибудь сделать с памятным знаком, стоящим на главной площади города и сообщающим всякому, кто не поленился к нему подойти, что «Здесь будет возведен монумент в честь сорокалетия создания города Ямки». Эту стелу из самосползающего цемента демонтировали, затем вбили в асфальт напротив здания городской администрации металлические штыри и приварили к ним бронзового старичка, оперативно доставленного из Чикаго.

Открывал скульптуру в день 75-летия города мэр Ямок.

Он до сих пор вспоминает это событие как одно из самых отвратительных в своей жизни. Дело в том, что сразу после того, как со скульптуры была сдернута простыня, старичок с авоськой стал вращаться вокруг своей оси и, сделав неполных три оборота, остановился, показав своим чуть зеленоватым пальцем на мэра. Все, кто присутствовал на площади, замерли, даже оркестр перестал играть. Старичок же бронзовый, как будто слегка поколебавшись, чуть-чуть повернулся, уставив палец на присутствовавшего на празднике вице-губернатора Московской области. И все последующее время, пока руководители города и области были на площади, старичок находился в каком-то сомнении: то повернется в сторону мэра, то вновь покажет на вице-губернатора. И как потом выяснилось, не зря. Не прошло и двух месяцев, как этот самый вице-губернатор вынужден был податься в бега и вскоре обнаружился чуть ли не в том же Чикаго, где у него, по счастью, оказалась собственная вилла.

Жители Ямок скоро привыкли к безобидному на первый взгляд старичку. Дети любили качаться на его вытянутой руке, подростки по ночам играли им «в бутылочку», а молодежны и их гости обязательно хотели с ним сфотографироваться. Но некоторые жители Ямок старались не попадаться скульптуре на глаза, потому что время от времени она как бы по своей воле поворачивалась и показывала зеленеющим пальцем на идущего по площади человека или проезжающую мимо машину.

Среди жителей Ямок пошли слухи, что заместитель мэра города по строительству и землепользованию испачкал пальцы несмываемой краской, нанесенной на меченые купюры, именно после того, как на него указала скульптура. Вслед за этим палец скульптуры утыкался в начальника Управления по жилищно-коммунальному хозяйству (внезапный инфаркт), председателя территориальной избирательной комиссии (острый алкогольный психоз, но на работу еще приходит), директора Фонда поддержки Ямкинского отделения партии «Преславная Россия» (кто-то взорвал его гараж со стоящим внутри бентли и теперь непонятно куда ставить партийный майбах), владельца торгового павильона на станции Ямки (сам павильон сгорел). И после всех этих несчастий у небольшой по численности, но значительной по влиянию группы граждан созрело мнение, что неплохо бы бронзового ехидца сплавить куда-нибудь подальше от здания администрации. Тем более что он уже пару раз нацелился на лексус председателя городского суда.

Перенести скульптуру планировали ко входу в городской парк, экранировав администрацию железной дорогой, но возмутился начальник городского управления внутренних дел, чье здание соседствовало с парком. Его поддержали начальник станции железной дороги, директор городского Дома культуры и вице-мэр по рекламе, культуре, спорту и молодежной политике. Обсуждались предложения поставить старичка у церкви или у входа на стадион. Но объединение фут-

больных фанатов пообещало объявить «сезон ярости» если «этот америкос зеленый» укажет хоть на кого-нибудь из ку-миров команды, а батюшка пригрозил анафемой и передачей заказа на строительство храма в Новых Ямках женской строительной компании из Москвы.

Ситуация зашла в тупик. В неравной борьбе с наследием Бориса Бора пали: ректор Государственного университета мировой культуры (ГУМК), базировавшегося в Ямках, главный санитарный врач, председатель Комитета по управлению городским имуществом и еще двенадцать скромных ямчан, чьи имена слишком хорошо знакомы тем, кому надо. Трижды о старика с авоськой разбивали бутылки с краской, один раз в него въехали жигули пятой модели, и один раз у постамента взорвалось самодельное безоболочное взрывное устройство. Но тот устоял. И даже крутиться вслед проезжавшим иномаркам не перестал.

Кстати, голуби на старика не садились: ни на голову, ни на плечи, ни на руку.

По городу поползли слухи, что со дня на день, точнее с ночи в ночь, скульптура «Держи его!» просто исчезнет с площади перед администрацией и в лучшем случае будет сдана на металлолом. Началось формирование народного движения «Держи его!», первые добровольцы вышли дежурить на площадь в ночь на 15 марта, отмечая годовщину «лесной выставки» ББ и позируя перед телекамерами нефедеральных телеканалов.

Решение проблемы пришло внезапно. И даже не столько пришло, сколько совершенно неожиданным образом материализовалось в кабинете нового вице-мэра по строительству в виде двух черноволосых и черноглазых женщин: одна постарше, в черном платке на голове, другая моложе, с маленькой черной собачкой на поводке. Как они прошли в кабинет и о чем говорили с вице-мэром в течение двадцати минут, можно только догадываться. Но сразу после этой беседы вице-мэр созвонился со своим начальником и изложил тому план спасения.

Через неделю ехидный бронзовый старичок с авоськой был торжественно перенесен на новое место. Везли и устанавливали его в простыне. Вновь играл оркестр, но никого из администрации города, рангом выше заместителя начальника управления в этот раз на открытии не было. Когда же простыню стянули, рука старичка дернулась сначала в одну сторону, потом, другую. Затем скульптура начала яростно вращаться и внезапно замерла, показывая пальцем на вход в ограду, внутри которой она оказалась заточена.

Все сложилось хорошо. Дети по-прежнему любят качаться на вытянутой бронзовой руке, подростки по ночам перебегают через ограду и играют старичком в бутылочку. Им здесь даже интересней, чем на площади. И многие новобранцы заезжают сфотографироваться.

А что не заехать? Скульптура же стоит не абы где, а на городском Ямкинском кладбище.

Очень удобно.

Отсюда мораль: только попав на кладбище, мы можем понять, чего заслуживаем.

Заседание пятое

Это рассказ о событиях, которые всем присутствующим должны быть памятливы, но подозреваю, что каждый запомнил их по-своему.

Название басни:

Тереха и окуни. (зачёркнуто)

Один удивительный вечер.

Один памятный день.

рассказчик:

Сергей Фабр

Да. Да. Я собирался рассказать сегодня, как мы ловили на озере окуней и встретили Тереху, последнего конюха рязанской земли. Но если некоторые члены КЛУБа столь бурно протестуют против басен, построенных на основе сюжетов об охоте и рыбалке, мне ничего не остается, кроме того, чтобы обратиться к событиям прошлого.

* * *

Вечером пятницы, тринадцатого июня тысяча девятьсот восьмидесятого года, а если быть более точным, то в 19 часов 55 минут, я шел по Арбату, направляясь к дому номер

35, на углу с Калошиным переулком. Смеркалось. Или нет. Не помню, смеркалось ли вообще тогда, четверть века тому назад. Тот вечер был прохладным, это я помню хорошо, дождь прошел днем, скособочил, снес, поменял всю прокисшую жару на свежие строгие сумерки.

Я шел медленно, любуясь тем старым, непешеходным, Арбатом, от метро «Смоленская», мимо овощного магазина, где время от времени можно было купить венгерский «Токэй», мимо ресторана «Риони», магазина «Букинист» и еще одного овощного магазина, где время от времени можно было купить грузинские вина. Шел медленно, наслаждаясь самой возможностью никуда не спешить после сравнительно неплохо сданной сессии, за что и был обруган господином, который сейчас сидит слева от меня.

Да, спасибо за уточнение. Конечно, обруган был не за сданную сессию, а за то, что опоздал на пятнадцать минут. Ну, извини.

Надеюсь, все уже поняли, что речь идет о знаменитом доме Филатовой, или «доме с рыцарями», где в то время шла большая стройка. Или перестройка? нет, перестройка – это потом. Я был сторожем на стройке, как и все здесь присутствующие, за исключением тех, кто был пожарником. Между прочим, господин, который сейчас сидит напротив меня, а в тот день должен был вместе со мной выходить в ночную смену как раз в качестве пожарника, вообще не пришел. Так что обидные слова, сказанные мне, и только мне, в тот вечер

тринадцатого июня 1980 года, в пятнадцать минут девятого... Нет, конкретно какие не помню... И спасибо, напоминать не надо... Те слова я считаю несправедливыми.

Свой долг я выполнил, заступил на дежурство, заварил чай в кружке, вскипятив воду кипяtilьником, что категорически запрещалось техникой безопасности. Но, во-первых, пожарник в доме Филатовой в тот момент отсутствовал по забытой мной причине, а во-вторых, если бы он пришел на дежурство, то мы бы вскипятит не одну, а две кружки. Или же кто-то пошел бы в магазин. У меня с собой был «В круге первом», в самиздатовском варианте, и я собирался провести вечер и часть ночи с пользой. Но не судьба.

Посланцы судьбы пришли в дом Филатовой без стука в половине девятого. Это был старший прораб на нашей стройке и его приятель, как позже выяснилось, комсомольский начальник районного уровня. Он, кстати, сейчас сенатор. Член Совета Федерации от Тьмотораканской области. Были они в костюмах и белых рубашках, такие крупные мужики не первой свежести, со съехавшими набок галстуками и шестью бутылками грузинского пятизвездочного коньяка. Они прошли на третий этаж, в прорабскую, а я убрал кипяtilьник и достал Солженицына.

Еще через полчаса прораб спустился ко мне, на второй этаж, держа правую руку с сигаретой так, как это делают циркачи, когда гуляют по проволоке. Только им на проволоке требуются две руки и/или шест, а прорабу на лестнице пона-

добилась только одна рука и сигарета. Обнаружил меня он не сразу, а когда повернулся в правильную сторону и увидел рассыпанные листки, произнес: «Хватит читать эту хрень. Пойдем, выпьешь».

Что ж, приказы начальства не обсуждаются. Я пошел. В прорабской обнаружили: комсомольский работник, именуемый в дальнейшем Гера, четыре бутылки коньяка на столе и две из-под коньяка под столом. Кроме того, на столе, а точнее на газете «Комсомольская правда», лежали бутерброды с загибающимся сыром и пучок зеленого лука. Три пластиковых белых стакана дополняли натюрморт.

Старший прораб, усадил меня на стул, строго напротив Геры, налил полный стакан коньяку, придвинул его ко мне, сел сам и сказал: «Вот».

Натянувшуюся, было, ткань беседы перехватил Гера. Он быстро выяснил, как меня зовут, представился сам и назвал имя прораба (Вася. А вы что подумали?).

Пока шла церемония представления, я обнаружил, что мой стакан – с трещиной, коньяк из него медленно вытекает, расплываясь по столу темной лужицей, так что пить за знакомство пришлось все и сразу. После этого инициатива окончательно перешла к Гере, сообщившему, что он со школы пишет стихи. Тут до меня дошло, какова моя роль, и я хватанул зеленого лука для блеска в глазах.

Гера начал читать. И сразу, видимо, поэму, потому что чтение длилось восемнадцать минут. Не могу похвастаться

тем, что я запомнил все перипетии сюжета, более того, я бы вообще ничего не запомнил, потому что примерно минуте на пятнадцатой прораб Вася, готовясь к финалу, наполнил все пластиковые стаканчики до самого верха, и я волей-неволей наблюдал, как уровень моего стаканчика понижается, а лужа на столе растет. Но первые две строки этой поэмы настолько поразили мое неокрепшее к тому времени литературное чувство, что их я запомнил на всю жизнь. Коньяк у всех в бокалах? Готовы? Вот эти строки:

Я снова просыпаюсь по частям:

Желудок, сердце, печень, позвоночник...

Теперь вы примерно представляете, о чем я думал до того, как в мой стакан вновь полился коньяк. Да, да вот об этом: мне, студенту филфака, очевидный графоман читает, как петух свое кукареку, дилетантские стишки, от которых тошнит уже со второй секунды. И прошло уже три, нет четыре, нет пять. А рядом сидит, тупо уставившись в пол пусть не прямой, но начальник, специально меня для этого доставивший. Я уже выпил почти целый стакан их коньяка, и, видимо, придется пить еще, а, точно, вот он уже наливает. Лужа на столе все больше. И если я скажу, что все плохо, то окажусь неблагодарной свиньей, испортившей двум друзьям встречу, а если похвалю, то плюну на всю русскую поэзию. Кой черт я остался один в этом здании, где мой напарник, он бы выкрутился, ну почему я все время попадаю в это...

Дальше думать времени не оставалось, Срочно надо бы-

ло лицемерить, потому что Гера взял свой стаканчик, задрал голову, показав острый кадык, и прозвучали завершающие поэму стихи. Я не их помню, осталось лишь общее впечатление, которое лучше всего передать так:

Кука́реку, кука́реку, кука́р! Кука́ре, кукареку,
кукареку!!

– Вот, – сказал Вася, старший прораб.

Я не дал паузе разрастись. Я тоже поднял свой стаканчик, стараясь держать его над столом, а не над джинсами, набрал воздуха в легкие, с чувством выдохнул: «Хорошо!» – и выпил все до дна, после чего закашлялся. На глазах выступили слезы. Видимо, что-то попало не туда.

На этом программа вечера с моим участием закончилась. Видимо, поэма у Геры была только одна, а на лирику он решил сегодня не размениваться. Мне налили доверху все тот же протекающий стакан, вручили бутерброд с мертвым сыром и отправили восвояси.

Я дошел до лестницы, оставляя за собой крупные пятна коньяка на полу, и имел глупость выпить залпом и третий стакан. Ну, или то, что в нем осталось. В нашу комнату сторожей-пожарников я спуститься сумел. Ноги отказали уже на топчане. Я еще подумал, что надо бы сделать обход здания... Нет, правда.

Разбудил меня звонок телефона, явно не первый. И не пятый, как выяснилось позже, а примерно девятый-десятый. Мой напарник, пропустив почти всю смену, следуя джентльменскому кодексу поведения, приехал ее сдавать. Не доставшись в дверь, он оккупировал телефонную будку напротив дома Филатовой, набирал номер сторожки, дожидался двадцатого гудка, давал отбой и набирал снова.

Я снял трубку, выслушал все, что было сказано, спустился со второго этажа на первый, сдвинул задвижку на двери, впустил сменщика и понял, что пьян сильнее, чем мог себе когда-либо представить. Церемонию сдачи-принятия смены, видимо, пришлось сократить до минимума. Я прав? Спасибо.

Как я добрался до дома, не помню. И не потому, что много лет прошло. Я этого не помнил никогда. Но, судя по тому, что сменился я в половине восьмого, а до «Сокола» добрался в половине первого, дорога была непростой. Родители еще с вечера уехали на дачу, квартира была в моем распоряжении, но мне нужен был лишь диван.

Разбудил меня в пять минут седьмого звонок телефона, явно не первый. Звонила моя однокурсница. Вы все с ней знакомы, так что я не буду называть ее имени. Или так: ее звали А. Мы с ней перезванивались время от времени, причем инициатива всегда исходила от А. И я не считал это каким-то знаком. Звонила — и звонила. Мы что-то обсуждали, много шутили. Или, так скажем, я старался шутить. Теперь-то я не уверен, что шутки были смешные. Она как-то назвала меня язвой. Но звонить не перестала.

Да. Так вот, я снял трубку, что-то ответил, обнаружил, что могу воспринимать окружающее, стоять, говорить, ориентироваться в пространстве и вообще почти трезв. Даже захотелось что-нибудь съесть. Кофе выпить. Позавтракать. Но опять не судьба.

А. говорила странно, очень серьезно, очень непохоже на наше с ней обычное общение. Слов я, конечно, не помню, той выразительности во фразе, что поразила меня в стихах накануне, А. не достигла. Но общий смысл меня поразил. Она сказала, что один из тех, кто входил в нашу компанию, сейчас переживает трудное время. Что он может... потерять себя? Или наоборот, не может найти себя? Или не хочет искать? Или хочет, но ему что-то мешает. Ну, как это обычно говорят женщины, пойди их пойми. В общем, трудно ему

сейчас. И как я понял, сейчас, это именно сейчас, в субботу, четырнадцатого июня, тысяча девятьсот восьмидесятого года, в шесть ноль пять, нет, уже в шесть ноль девять, после полудня. И я должен поехать сейчас на Арбат, в дом Филатовой, чтобы его поддержать, подставить ему все то, что обычно подставляют друзья... Нет, коленка и подножка в том разговоре не упоминались. И я сразу поехал, не спорить же с красивой девушкой. Кофе только выпил с бутербродом с колбасой, что полноценным завтраком назвать, конечно, нельзя. Еще душ принял и рубашку сменил, в которой спал на работе и дома. А джинсы менять не стал, не было у меня вторых джинсов.

Ничего никому подставить я в этот день, точнее уже вечер, не сумел, потому что на Арбате я был в семь часов с минутами, у дома Филатовой уже стояли пожарные машины, зеваки и милиция. Пожар тушили в доме...

К чему я стал это рассказывать. Ни в тот день, ни после меня в этой истории ничего не беспокоило. Так, смешной эпизод. С мелким враньем и парой провалов в памяти. Но значительно позже одна мысль поселилась в мозгу и все не дает покоя. Я выключился на диванчике в комнате-сторожке на втором этаже в то время, когда на третьем этаже два начальника допивали пятую бутылку из шести. Утром на третьем этаже никого не было, да и не остались бы они на ночь. Но кто же тогда закрыл дверь на задвижку? Я сам не мог, поскольку после девяти (если не больше) часов сна с трудом

стоял на ногах. Мой напарник до работы в ту ночь не доехал, он разбудил меня утром телефонным звонком. Никого из вас, как я понимаю, в ту ночь в здании не было. Так как же задвижка оказалась задвинутой?

Общим решением присутствующих мораль к этой истории не прилагается.

Заседание шестое

*Это рассказ о людях, живущих двойной жизнью.
Они не шпионы, не преступники, не революционеры.
Они – городские партизаны.*

Название басни:

Городские партизаны

рассказчик:

Владимир Порошин

Он

Он – отставной военный, подполковник, работает охранником в банке. Предлагали пойти в личные телохранители, но жена была против: могут убить вместе с хозяином, а у них дети: мальчик (постарше) и девочка (помладше). Его друзья любят пиво, охоту и разговоры о джипах.

Его легенда на эту ночь: денег банк платит мало, нужны подработки. В галерее «Подваль» ночная вечеринка, презентация новой коллекции Йоджи Ямамото. Заплатят, как за неделю. Товарищ обещал, майор-десантник. Бывший, конечно.

Она

Она – студентка третьего курса «Высшей школы управления», папа выдает лицензии, у мамы – антикварный салон. Ее подруги пьют «Мохито», любят «Moschino» и лимузины.

Ее легенда: у подруги день рождения, а это серьезно. Это на всю ночь. Как минимум. Сначала клуб «Опера», потом «Fabrique», следом «Фьюжесть». А там уж как пойдет.

Они

Они встречаются в полночь, в старой коммунальной квартире на Сретенке, добираясь до нее на метро с пересадками и проверяя, нет ли хвоста.

Войдя в квартиру, она сразу сбросила туфельки на высоких каблуках. Он лишь слегка повел плечом: инструктаж уже шел. На кухне у веселого толстяка с бородкой дьякона они получили по две бутылки с «коктейлем Молотова». Она сложила свои в холщовую сумку, вынув оттуда кеды. Он поместил свои в специальные карманы, пришитые к подкладке темной куртки.

Их цель на сегодня – Старосадский переулок, точнее – машины, стоящие на тротуаре. Ведь они – «двойка» – звено боевой группы партизан-пешеходов, борющихся с оккупацией

их города автомобилями.

Выйдя в заданный штабом район, они разместили свои заряды под четырьмя машинами, занявшими тротуар в Старосадском: вольво, маздой, «восьмеркой» и фордом. Он достал «Зиппо», подаренную сослуживцами при увольнении из армии, она – золотую зажигалку от Prada.

Она

Вдруг она жестом попросила его подождать. Затем, снова жест: ей понадобился нож. У него всегда с собой – охотничий, с рукояткой из оленьего рога, подаренный сослуживцами на юбилей. Вынув бутылку из-под «восьмерки», она скользнула на несколько метров вверх по переулку и нырнула под грузовой ЗИЛ, занявший весь тротуар. Из-под ЗИЛа вниз по мостовой побежал ручеек, обтекая шины стоящих на тротуаре машин.

Она вылезла из-под грузовика, подняла над головой зажженную зажигалку и сразу погасила. Он тут же начал поджигать тряпки, торчащие из горлышек бутылок. Из-под ЗИЛа прыснула струйка огня.

Последняя фаза операции – отход. Она бежала легко и невесомо. Он старался, но отставал. Когда грохнуло, они были уже почти на Котельнической набережной.

Он

Она вернула ему нож, он молча похлопал ее по плечу. Вот за что он ценил ее – за креативность. Вот уже больше года он не соглашался взять себе другого напарника, а она – перейти на работу в городской штаб.

До галереи «Подваль» он добрался на метро. Быстро переоделся, поблагодарил товарища, который прикрыл его на время отлучки. «Она хоть стоит того?» – только и спросил товарищ. Он молча кивнул и встал на фэйс-контроль.

Они

Под утро к воротам галереи, в которой проходила вечеринка, подкатил белый лимузин, из которого со смехом и визгом вывалились четыре молодые дурочки и два сонных толстяка. Когда они, выкурив по сигарете, прошли в галерею, ОНА на него даже не взглянула. А ОН ее просто не узнал.

Отсюда мораль: Ну вот, я так и думал, что фэйс-контроль – это полная лажа.

Intersaison. Сергей Фабр. Африка

Рассуждение о публицистике

Захара Прилепина, подготовленное для книги «Сто нелепостей современной литературы»

Оговоримся сразу – не обо всей публицистике, а о тех ее фрагментах, что печатались журнале со странным таким названием... Написал бы – дурацким, но, если вдуматься, все названия дурацкие, в том числе и название этой статьи.

Почему Африка? В рассказе «Чувство долга» есть такие слова: «Какой бы топор подложить под компас, чтоб наш корабль, идущий самым верным курсом, все стороны света перепутал, поплыл отсюда, куда глаза глядят...» Без всякого сомнения, автор вспоминает фильм моего (а уж его – тем более) детства «Пятнадцатилетний капитан». Там на китобойном судне, направляющемся в Америку («идущем самым правильным курсом»), случайно взятый в команду повар Негоро (а на самом деле – работорговец Перейра) подложил под компас топор, в результате чего корабль прибыл не в Америку, а в Африку.

Не могу сказать с полной уверенностью, ассоциирует ли автор себя с работорговцем, пиратом и беглым каторжником

(как это недавно произошло с одним милиционером, представившимся демонстрантам цитатой из того же фильма: «Я Себастьян Перейра»), но, видимо, стабильный курс на Америку ему совсем не нравится. В том понимании Америки – «огромной туши США, застывшей белый свет» (рассказ «Фидель: левый марш»), – которое сложилось у него в голове. Африка – лучше.

Из другого рассказа: «Поедем на авто, несогласный» – читатель может узнать, что мы, возможно, уже в Африке: «В общем, у меня возникает ощущение, что я живу в какой-то африканской стране».

Еще раз отметим, нам представляется, что автор – не Себастьян Перейра, более того, он относится к таким переирам с нескрываемой брезгливостью, что видно уже по рассказу «Камуфлированные будни эпохи перемен»: «Еще в бытность работы в ОМОНе мне и моим однополчанам приходилось подрабатывать охранниками. ...Мы охраняли – назовем вещи своими именами – воров из числа новых знакомых нашего командира, тоже начинавшего осваивать великий и ничтожный русский бизнес». (Мельком отметим, что «великий и ничтожный» – явная отсылка к «великому и ужасному» обманщику Гудвину из книги Александра Волкова «Волшебник изумрудного города». Тяготение к детским впечатлениям для брутального «я» рассказчика – как щербинка на гладком лезвии ножа.)

Кто же он тогда в Африке, этот рассказчик, биографиче-

ски совпадающий с автором? Что он там (здесь) делает? Ну, наверное, он некий сторонний наблюдатель, которого случайно занесло в Африку. Ничего он не делает. И от нечего делать он наблюдает и комментирует местные нравы. Так, по крайней мере, следует из рассказа «Камуфлированные будни эпохи перемен»:

«Занятная примета времени: многие представители нового поколения российских писателей начинали свой творческий путь именно в охранным бизнесе».

«Манеры звезд не принципиально отличались от повадок прежних наших клиентов, но первое время на певчих птиц было хотя бы любопытно смотреть».

В общем: «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы будут вас кусать, бить и обижать». Но рассказчику не страшно, скорее – **ЗАНЯТНО** и **ЛЮБОПЫТНО**. Согласитесь, оба использованных слова свидетельствуют о его **ЛЕГКОМ** интересе к тому, что происходит и о некоторой **ОТСТРАНЕННОСТИ** от событий, хотя события эти происходят именно с ним. А наблюдает он за нравами немного со стороны, скорее всего, потому, что настоящим африканцем себя не чувствует. Давайте попробуем посмотреть с ним в одну сторону, чтобы разглядеть, что же его интересует.

Рассказчику не хватает денег для покупки автомобиля («Чувство долга»), он пытается взять кредит в банке:

«Они говорят: вот договор займа на три года, вот на два.

– Не-на-до, – отвечаю, – мне ни на три года, ни на два. Дайте мне на месяц.

– Нет, на месяц нельзя.

– А на два месяца?

– Ни на два месяца нет, ни на три. Только на год.

Дальше – смешнее».

Конструкция диалога, заметим, совершенно «довлатовская», им, Довлатовым, сооруженная, крепко сбита, наждачной бумагой зашкуренная, лаком покрытая, – бери да пользуйся. Но есть одно отличие. Довлатов в этом мире был – естествоиспытатель. Он людей изучал, он любовался ими и, в конечном счете, он их понимал. А Прилепин – наблюдатель. Ему изучать и понимать неинтересно, потому что он уже знает, как должно быть устроено. Его задача: фиксировать и сравнивать. Вот так должно быть (кредит – на два месяца, охрана – достойным людям т. п.), а вот так – есть: смешно и любопытно, но нелепо, неправильно, гадко, грязно. Поэтому у Довлатова мы никогда не найдем фраз подобных, например, этой: «Оставьте нам хоть что-нибудь, хотя бы одно крепкое место в этом болоте, где мы удержимся на одной ноге, вторую поджав, что твоя цапля – с неизменной лягушкой в клюве» (рассказ «Слишком много правых»).

(Ну никуда не деться от детских впечатлений. Болотная метафора – из «Журавля и цапли», разумеется, русской народной сказки).

Выбирая для характеристики условного рассказчика у До-

влатова термин «естествоиспытатель», я сделал это сознательно. Мне нравится то, как тот «испытывает» людей: на прочность, на чувство юмора, на искренность, дружбу, любовь. «Наблюдатель» Прилепин не таков. Он либо судит своих персонажей, либо любит их ими.

Вот он судит: «Мы и так в последние времена оказались почти что в пустоте: с тысячелетним рабством внутри, с историей Родины как сменой методов палачества...» («Слишком много правых». И обратите внимание: «последние времена» – это лексикон пророков и юродивых, из словаря не судьи, но судии). Вот опять судит: «Что же такое случилось с нами, как же все это снова началось? Или еще не началось. Или не кончалось никогда?» («Поедем на авто, несогласный»).

А вот любит: «Он по-прежнему полон достоинства, и в отличие от большинства государственных правителей минувшего столетия, известных мне (уж российских-то наверняка), не делает вид, что собирается жить вечно» («Фидель: левый марш»). Вот снова любит: «Мы рассматриваем фотографии Всеволода Емелина, и невооруженным взглядом видно, что в подавляющем большинстве случаев поэт несколько или глубоко пьян» («Печальный плотник Всеволод Емелин»).

С тем, что он осуждает, более или менее понятно – то самое африканское болото, в котором аборигены (они же цапли) торчат по колено в жиже, воображая, что они не в Афри-

ке никакой, а в самой настоящей Америке. А чем он любит-
ется? Героями, конечно. Их у него немного, но они есть. Вот
Фидель: «Он сделал из маленького народа народ великий,
упрямый, несломленный и гордый. Единственное социали-
стическое государство в Западном полушарии!» («Фидель.
левый марш»). Вот Емелин: «Сначала Емелин устроился сто-
рожем. Потом плотником в церковь... Там и работает до сих
пор» («Печальный плотник Всеволод Емелин»).

Почему гордо строить социализм с восклицательным зна-
ком – это хорошо, а работать в банке по правилам этого бан-
ка – плохо? Это знает сам Прилепин, мне понять, видимо,
не дано. Но это не единственный вопрос, возникший у меня
по прочтении тоненькой книжечки прилепинской публици-
стики. Вот еще один, что лучше: гордо строить социализм
или много пить, работая плотником в церкви и сочиняя ма-
терные стихи? Нет, правда, что лучше? Потому что мне по-
казалось, что и то и другое нравится Прилепину в равной
степени. Но разве можно одновременно гордиться продол-
жительностью жизни для мужчин на Кубе в 77 лет и пребы-
вать в состоянии постоянного алкогольного опьянения, что
неизбежно подталкивает героического поэта-плотника к от-
вету на вопрос, сколько ему лет: «Сорок восемь. Помирать
пора»? А, впрочем, почему бы и нет. Оба молодцы, один
на Кубе (столь же ирреальной, что и Америка), другой в на-
шей родной достоевской Африке, где если уж довелось вы-
лезти из болота, то лишь для того, чтобы смиренно брести

то ли в «Бесах», то ли посередеь «Униженных и оскорбленных» («Поедем на авто, несогласный?»).

Если читать тексты Прилепина не от случая к случаю, не регулярно даже (по мере их появления), а сразу и залпом, то становится очень даже заметно, что в тех случаях, когда он «судит», всегда или почти всегда попадает в нерв, делая больно и еще больнее. Когда же он «любуется», то пишет благоглупости, вроде вот этой: «Русский человек – не православный, не голубоглазый, не русский, нет. Это пьющий человек, отягощенный семьей и заботами. Но при этом: последний кусок не берет, пустую бутылку на стол не ставит, начальству вслух о любви не говорит» («Печальный плотник Всеволод Емелин»).

«Мы не лекарство, мы – боль», – написал как-то Герцен о людях пишущих, о ЛИТЕРА-торах. Прилепин, как мне кажется, хочет быть и болью, и лекарством одновременно. «Так не бывает», – написал я было, а потом вспомнил, что нет – бывает. Бывает: когда одной болью пытаются «заслонить» другую – кошмарную.

Сезон второй

Заседание первое

Это рассказ о Воине, сумевшем вырваться за пределы реальности.

Название басни:

Битва

рассказчик:

Антон Бухаров

Герой рассказа, назовем его Т., жил по привычкам.

Нет, не по привычке, что значит: привык жить и живет себе. Он жил ПО ПРИВЫЧКАМ, переходя от одной привычки к другой по мере необходимости.

Следование привычкам, если заняться этим всерьез, очень полезно. Оно не оставляет места для волнений и переживаний, а значит, способствует успехам в работе, освобождает от лишних друзей и не дает развиваться болезням.

Например.

В будние дни Т. просыпался в 7.30 утра, делал пятьдесят приседаний, принимал душ, съедал на завтрак два яйца всмятку (варить две с половиной минуты), бутерброд с сы-

ром, пил кофе (варить в турке, с солью) с сахаром (полторы ложки на стеклянную чашку из ИКЕИ) и отправлялся на работу (спортивный костюм, кроссовки, верхняя одежда – по сезону), выходя за дверь в 8.35. Семь минут до станции метро «Речной вокзал» одним и тем же маршрутом, покупка газеты («Комсомольская правда»), вход в метро через крайнюю левую дверь и крайний левый турникет (проездной билет на год), далее – эскалатор вниз, четвертый вагон от конца поезда (последняя дверь, направо, сиденье у задней стенки вагона). В 8.44 поезд отправляется, в 8.52 Т. проходит через крайний правый турникет на станции метро «Сокол», чтобы выйти на улицу и через три минуты оказаться в школе №***, где работает учителем физкультуры.

Тем, кто еще не включил телевизор и все еще следит за судьбой Т., я хотел бы напомнить, что многие умные люди считали привычку единственным наглядным доказательством того факта, что смысл жизни существует. Т, надо сказать, так не думал. Он вообще не думал в таких категориях. Честно говоря, он и в каких-либо еще категориях (кроме: «выше, быстрее, сильнее», разумеется) думал нечасто, что служит еще одним доказательством пользы привычек.

Т. прожил 44 года по привычкам, не догадываясь, что он Воин. Герой. И вполне мог бы не догадаться, если бы на станции метро «Сокол» не сменили турникеты на новые – те, что с пластиковыми дверями, которые должны открываться при приближении любого человека, желающего выйти из метро.

Для тех, кто не понял, ключевые слова: «новые», «должны», «любого».

Стать Воином Т. заставила битва между ним и турникетом. Не удивляйтесь. В жизни всякое бывает.

Не то что вне жизни.

Битва началась в 8.42 14 марта 2008 года, в пятницу. Крайний правый турникет, до сих пор покорно пропускавший всех подряд, не открыл свои пластиковые двери перед Т. Не открыл, и все. Он ведь – турникет и не обязан отчитываться в своих действиях ни перед кем. Тем более перед учителем физкультуры.

Далее события развивались примерно так:

8.43. Т. стоит перед турникетом. Двери закрыты.

8.44. Т. стоит перед турникетом. Двери закрыты.

8.45. Т. пинает двери турникета ногой. Двери закрыты все равно.

8.46. Т. проходит сквозь соседний турникет.

8.47. День Т. погиб, похоронен и отпет.

Более того, погибли еще два выходных дня, поскольку Т. не мог ни о чем думать, кроме как о том, что произошло в пятницу (его унизили) и неизбежно произойдет в понедельник (его унижат опять). Можете не верить, но мысль о том, чтобы выйти из метро через другой турникет, пришла ему в голову еще в пятницу в 23.45 и была с негодованием отвергнута. Человеку не пристало отступать перед высокомерной железякой. Что-то вроде этого он мог бы сказать в 23.46, ес-

ли бы мог думать в таких категориях. Но он ничего не сказал. Во-первых, чтобы не будить жену. А во-вторых, не сказал, и все. Две ночи почти не спал: с пятницы на субботу и с воскресенья на понедельник.

Вы еще здесь? История длинная и развивается неспешно. В понедельник в 8.43 крайний правый турникет спокойно пропустил Т. наружу. И во вторник. И в среду. А в четверг, раскрыв, было, двери, он внезапно их захлопнул, больно ударив Т. по ребрам. Битва продолжалась.

Провести шесть уроков физкультуры с ушибленными ребрами непросто, но он выстоял. В пятницу он ринулся сквозь турникет с безрассудством быка, в первый (и последний) раз попавшего на арену «Plaza Monumental de Las Ventas» и получил новый удар. Двери закрылись мгновенно, и Т. врезался в них с разбегу. Раздался треск. Нет, пластиковые двери выдержали. Треснуло ребро Т.

Вот в этот миг он стал Воином. Бесстрашным и Мудрым. Он отступил.

Прошел через соседний турникет.

Пришел в школу.

Провел свои уроки.

Поговорил с учителем физики.

Посидел в классе информатики, с упорством вола раздвигая болотную жижу инета.

Распечатал пару схем на хромом школьном принтере и вновь пошел к учителю физики.

В субботу в его школе уроки физкультуры были только у младших классов. Он договорился о замене и поехал на «Горбушку». За оружием.

Итак. Понедельник. 23 марта. 8.42. Т. ровным шагом подходит к турникетам и направляется к крайнему правому в их ряду. Фальшивое бесстрашие открытых дверей больше его не обманет. Он Герой: слышит нервное гудение внутренностей турникета, видит мушиное подрагивание дверей. Сделав шаг внутрь, он останавливается и встречает прямым взглядом, обращенный к нему злой зрачок фотоэлемента.

Звучит музыка Мариконе. Человек и турникет замерли в ожидании. Падает секунда.

Вторая.

Третья.

Нечеловечески быстрым движением, Т. выхватывает электрошокер и приставляет его к болевой точке турникета. Разряд. Шипение. Невнятное движение пластика – последняя сверхтурникетная попытка закрыть двери. Жизнь уходит из машины судорожными толчками электричества.

Человек медленно проходит сквозь турникет. Поворачивая на лестницу, он бросает равнодушный взгляд на останки покоренного противника. Человеку больше нет дела до мертвой железки. Битва выиграна. Турникет перейден.

Отсюда мораль: построй себе триумфальную арку, пройди под ней и успокойся.

Заседание второе

Эту историю рассказал мне старый приятель, с которым мы встретились на ежегодном собрании однокурсников. Он рассказывал, водя вилкой по тарелке с салатом, а в это время еще один наш однокурсник пытался петь: «Виноградную косточку в теплую землю зарою» Булата Окуджавы на мотив «А ну давай наяривай» группы «Любэ».

Название басни:

Опять кто-то дышит в затылок

рассказчик:

Виктор Коренев

Так вот, этот мой приятель внезапно как-то обнаружил, что притягивает к себе придурков. Оговоримся, он никого не обзывал, он дал определение.

– Придурок, – сказал он, – это человек, поступающий дурно и знающий, что поступает дурно, но при этом делающий вид, что ничего особенного не происходит.

В отличие от дурака, то есть человека, слабо связанного с реальностью (объяснял он мне), придурок очень точно вписан в действительность. Он совершает дурные поступки не только и не столько для того, чтобы получить для себя ка-

кую-либо выгоду (тогда бы он был простым негодяем). Нет, он демонстративно не замечает разницы между хорошим и дурным. И это дает ему преимущество выживаемости. Дурак, следуя своей ДУРИ, часто вредит самому себе. Негодяй, делая НЕГОДНОЕ другим, постоянно вынужден оправдываться, пусть даже в собственных глазах, затрачивая на это дополнительные силы и эмоции. Придурок же может просто не замечать других людей и уважать только себя. Ergo: дураком быть глупо, негодяем – стыдно, а придурком – удобно.

Мой знакомый утверждал, что нашествие придурков началось внезапно. Его сосед, живущий этажом выше, как-то по весне стал слушать «Радио Куча» с открытым окном. Тут же другой сосед, недавно купивший большую машину марки «SsangYong», стал ставить ее у входа в подъезд, перекрывая проход на три четверти. Там как раз удобно: если двумя колесами на тротуар заехать, можно машину разместить, так, чтобы ее никто, проезжая мимо, не задел. И еще одно удобство состоит в том, что жители дома, проходя к двери в подъезд, неизбежно полируют бампер машины своими куртками и пальто.

Сам мой приятель, назовем его К., машину покупать себе почему-то не стал, на работу ездит в метро. Он мне рассказывал, что там, в вагоне метро, каждый раз, когда рядом с ним освобождается место, туда сразу же плюхается жирный потный тип с бутылкой пива в руке и желанием поговорить. Вариант: толстая тетка с мобильным телефоном, по которо-

му уже говорит очень громко. Там же в метро не слышно ни черта.

Его студенты (а он преподает на факультете справедливого управления) очень полюбили на лекциях пить колу с чипсами и говорить по мобильным телефонам. Некоторые культурно выходят из аудитории, другие говорят так. Они не встают в тот момент, когда он входит в аудиторию, зато после лекции все они хлопают в ладоши. Придурки.

Этот мой приятель К., он, как вы, может быть, догадались, не очень коммуникабелен. Если возникает потребность пообедать в кафе в городе, то выбирает какой-нибудь дальний столик, где может посидеть в одиночестве. Но стоит ему занять этот самый столик, как тут же два соседних занимают компании молодых людей, говорящих между собой на своем языке, который им кажется нормальным. При этом оказывается, что юные существа за одним столом прекрасно знакомы с теми, что расположились за другим. А другой, напомню, — это через стол (и голову) К. И вот те, что сидят за одним столом, начинают дружить с теми, что сидят за другим столом. Дружат они, конечно, при помощи колы, сигарет, чипсов и слов. И все это через голову К. А у него на отдельные слова особая реакция: ему не хочется жить.

А еще у него рядом с домом построили новый футбольный стадион. И разные люди в разноцветных шарфах проходят теперь его двором по субботам. Они бросают под ноги упаковки из-под чипсов и бутылки из-под колы. И сигареты.

И слова. И с ними идут их девушки. И они перебрасываются этими словами. И бутылками из-под колы. И им весело, а моему коллеге К. опять не хочется жить.

Когда я спросил его, почему же он решил, что именно он притягивает придурков, он мне ответил:

– А как же? Вот же они, рядом.

Действительно, ведь это его соседи, его улица, по которой идут ночью сограждане и весело бьют друг другу морду под его окном. И это его студенты оставляют в аудитории недоеденную пиццу. А метро? Ведь не может быть в Москве такого количества придурков с пивом и мобильниками, чтобы занимать все свободные места рядом с К. Или может?

А почему в Безымянной библиотеке, в профессорском зале, в любой его части, именно напротив К. садится доктор наук в засыпанном перхотью пиджаке, надетом на грязный свитер, долго толкает стол чугунным животом и начинает сморкаться в кулак?

Ему трудно стало заходить в продовольственные магазины. Там у касс его ждут покупатели, забывающие что-то там положить в тележку и уходящие надолго искать свой забытый товар, заставляя кассиршу (и К.) ждать. Там юные дамы с детьми-ангелами перекрывают своими тележками проходы между стеллажами, а другие, с такими же тележками и ангелами, тут же наезжают ему на пятки, стоит ему лишь чуть-чуть притормозить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.